

ВОЗВРАЩАЯСЬ К НАПЕЧАТАННОМУ (О ДИСКУССИИ В № 2, 2005 Г.)

ЭО, 2006 г., № 3

© Д.А. Алимова, З.Х. Арифханова, А.А. Аширов,
Р.Р. Назаров

ЕЩЕ РАЗ О ПРОБЛЕМАХ ЭТНОЛОГИИ В УЗБЕКИСТАНЕ (В ДОПОЛНЕНИЕ К ДИСКУССИИ)

Процессы этногенеза и этнической истории всегда были предметом острых научных дискуссий и обсуждений в общественных кругах. И дело не только в деликатности проблемы, выражающейся в ее сопряженности с национальными чувствами тех или иных народов и политико-идеологическими конструкциями национальных государств. Сами эти процессы чрезвычайно сложны. Особенно это касается тех народов и регионов, которые на протяжении длительного времени находились на перекрестке миграционных потоков и взаимодействий различных культур и чья этническая история складывалась из множества этнокультурных компонентов. Один из таких регионов – Центральная Азия.

Несмотря на остроту дискуссий по вопросам этничности, они – единственный способ двигаться дальше в освоении этой сложной темы. В данной связи нам бы хотелось выразить благодарность журналу "Этнографическое обозрение", посвятившего специальный номер (2005. № 1) этнической истории узбеков. В ней представлены позиции ученых разных стран и различных научных школ, что делает обсуждение проблемы многоаспектным и плюралистичным.

Как известно, поводом для дискуссии стал выпуск "Этнического атласа Узбекистана" (Стамбул, 2002), подготовленного Фондом Сороса, и прежде всего статья председателя правления отделения этого фонда в Узбекистане А. Ильхамова "Археология узбекской идентичности".

Издание энциклопедических словарей, атласов и справочников имеет большое значение, поскольку в популярной форме они отражают достигнутый уровень науки. Именно к ним, а не к специальным академическим трудам чаще всего обращаются читатели. Поэтому энциклопедические издания тщательно продумываются, создаются опытными специалистами и проходят многочисленные экспертизы.

Такие требования выдвигаются и к этническим атласам. Согласно академическим нормам, к их подготовке приступают после скрупулезного изучения огромного массива данных, накопленных не одним поколением этнологов.

Ознакомление с "Этническим атласом Узбекистана" показало, что он содержит большое количество неточностей и ошибок, а статья А. Ильхамова является авторской

Дилором Агзамовна Алимова – доктор исторических наук, профессор, директор Института истории АН Республики Узбекистан (г. Ташкент).

Зоя Хамидуллаевна Арифханова – доктор исторических наук, заведующая отделом этнологии Института истории АН Республики Узбекистан.

Адхам Азимбаевич Аширов – кандидат исторических наук, заместитель директора Института истории АН Республики Узбекистан.

Равшан Ринатович Назаров – кандидат философских наук, руководитель грантового проекта по межэтническим отношениям Института истории АН Республики Узбекистан.

и отнюдь не бесспорной версией этногенеза и этнической истории узбеков. Первое недопустимо для любого научного издания, а второе – для изданий, имеющих справочный характер. Как известно, дискуссионные версии публикуются в научных журналах и монографиях, но не в справочниках и энциклопедиях. Атлас должен давать четкие ответы на интересующие читателя вопросы, а не отражать научную полемику, в которой неспециалисту было бы трудно разобраться.

Данные обстоятельства побудили трех докторов наук, ведущих научных сотрудников Института истории АН Узбекистана опубликовать статьи в республиканском историческом журнале (*Алимова и др.* 2004: 72–85) и в электронном журнале "Этножурнал" (*Камолитдин*). Несколько замечаний об этническом атласе Узбекистана www.etnonet.ru; *Камолитдин*. Еще раз об этническом атласе Узбекистана www.etnonet.ru), в которых была выражена озабоченность скоропалительным, а в итоге непрофессиональным подходом к составлению атласа.

Развернувшаяся в последующем на страницах журнала "Этнографическое обозрение" дискуссия показала достаточно широкий спектр мнений по обсуждаемым вопросам. Поскольку дискуссия непосредственно затрагивает проблематику, которой занимается Институт истории АН Узбекистана, нам бы также хотелось выразить свое отношение к ней. В настоящей статье мы остановимся на трех принципиально важных вещах: анализе "Этнического атласа Узбекистана" в целом, поскольку отношение к нему так и не прозвучало в выступлениях участников дискуссии; статье А. Ильхамова с учетом состоявшейся дискуссии; состоянии этнологической науки в Узбекистане, затронутым в отклике М. Ларюэль.

Атлас состоит из трех разделов: первый посвящен характеристике этнических групп, проживающих в Узбекистане, во втором даны этногенез и этническая история узбеков, характеристика ряда этнографических групп, узбекского языка и одного из народных обычаев (*кункари*), третий содержит обзор национально-культурных центров республики и описание этнических кладбищ в Узбекистане.

Известно, что атлас – это издание с определенной спецификой подачи материала, структурой и требованиями к содержащимся в нем статьям. Материал его должен быть тщательно отобран и унифицирован. К сожалению, в атласе не были отработаны и унифицированы смысловые значения терминов. Так, наряду с термином "национальные или этнические группы" употребляется термин "этнические меньшинства". Неоправданно с научной точки зрения и употребление таких терминов, как "чистые узбеки" и "полуузбекские этносы" (с. 201). Во многих статьях история и конкретные характеристики этнических групп подменены отрывочными фактами и разрозненными материалами биографий и мемуаров, которые не дают читателю ясного и общего представления о данных этносах, что недопустимо в справочно-энциклопедических изданиях.

Более того, подчас авторы достаточно вольно обращаются с этнической принадлежностью представителей тех или иных народов, а также с их именами. Так, Бекир Мустафаев (**гурок-месхетинец**), председатель турецкого колхоза, назван **азербайджанцем** (с. 17). А. Заки Валиди Тоган в одном месте назван представителем **башкирской** диаспоры (с. 46), а в другом – **татарским** джадидом (с. 289). На с. 154 академик К.Е. Житов назван представителем **мордовской** диаспоры, а на с. 193 – **русской**. То, что Гао Сянь-Чжи был этническим корейцем, не делает его **корейским** генералом (с. 130). Он оставался **китайским** генералом, так как служил в китайской армии. Рыскулов назван **Туракулом**, в то время как его имя – **Турар** (с. 289). Режиссера Тарковского зовут **Андрей**, а не **Александр** (с. 298).

Наряду с ошибками в определении этнической принадлежности персоналий, имеется путаница и в общих вопросах этнической истории. Так, этническое разнообразие Центральноазиатского региона начало складываться не в "**средние века**" (с. 383), как сказано в статье, а гораздо раньше! "Кутадгу билик" назван памятником **уйгурской** письменности (с. 277), хотя это **общетюркский** памятник. Таджикская АССР образована в **1929 г.**, а

не в 1928 г. (с. 293). Узбеки живут в Северном Афганистане (Южном Туркестане) издавна, а не только со времен гражданской войны (с. 268). В начале XX в. имели значение не только **территориальная** и **родовая** идентичность (с. 300), но также **конфессиональная**, **языковая** и другие. В 1920-е годы существовало **Польско-литовское** национальное бюро, а не **Польско-латышское** (с. 144). В конце 30-х годов XX в. национальная политика СССР не была свернута (с. 373), а получила другое направление.

Встречаются ошибки и в идентификации этнических групп. Так, **иранцы** и **персы** – не одно и то же (с. 101). Под иранцами могут также подразумеваться: а) жители Ирана независимо от национальности (как "афганцы", "пакистанцы", "индийцы" и т.д.) и б) представители группы ираноязычных народов. "Монголы" – это не только группа этносов (с. 152), но один из этих этносов с самоназванием "халха" (народ). Никогда **таты** (дагестанский этнос) не записывались **татарами** (с. 211). Среднеазиатские цыгане делятся не на две (с. 243), а как минимум на **три** группы: мазанг (а не мазани, как в книге), люли и джуги. Словаки – не **югославянский** (с. 258), а **западно-славянский** народ. В науке не употребляется понятие "**мордовцы**" (с. 153), а только "мордва" и "мордвины". Еще одно явное противоречие. В одном месте пишется, что аварцы "не поддерживают связей между собой", а в другом, что они "стараятся вступать в брак только с представителями своего этноса" (с. 158). Как это возможно?

Также имеются ошибки в определении конфессиональной принадлежности тех или иных народов. Например, сирийцы названы "**мусульманами-шиитами**" (с. 31), в то время как они преимущественно **сунниты**. Религиозные верования ашкенази определяются как **иудаизм** и **православие** (с. 83), хотя среди них есть и **католики**, и **протестанты**, и **сектанты**. Иранцы определяются как **шииты** и **бехайсты** (с. 101), но среди них есть и **зороастрийцы** (гебры), и **сунниты**, и **несториане**. Авторы не знают, что мазары появились еще до зарождения ислама (с. 384).

Иной блок составляют ошибки, связанные с вопросами языка. В аннотации к статье "Дунгане" сказано, что дунгане говорят на **дунганском языке** (с. 73), в то время как они говорят на специфическом диалекте **китайского языка**. Не существует также **татско-еврейского языка** (с. 80), есть просто **татский** с рядом диалектов. Один из авторов пишет, что индийцы говорят на **наречиях** (с. 96), в то время как они говорят не только на наречиях, но и на десятках **литературных языков**. В таблице на с. 292 указаны наречия и говоры узбекского языка. А диалекты? К латинскому алфавиту стали переходить не в 1927 г. (с. 294), а в 1929 г. Непонятно использование терминов "узбекско-тюркский язык", "еврейско-таджикский язык, (с. 314, 408). В науке известны термины "узбекский", "тюркский" языки"; "бухарско-еврейский язык" или "бухарско-еврейский диалект таджикского языка". "Гардашлыг" по-азербайджански не **дружба** (с. 372), а **братство**. Дружба – *конагчылыг, елдашлыг*.

Атлас имеет массу ошибок, относящихся к вопросам общей компетенции. Так, **Византийская империя** почему-то называется **Греческой** (с. 334). Авторы дают ссылку на Закон о государственном языке 1989 г. (с. 301), в то время как с декабря 1995 г. он действует в новой редакции. Айбек, Абдулла Каххар, Урал Тансыкбаев и Батыр Закиров – не государственные деятели (с. 386), а деятели культуры – писатели, художники, певцы. Бешагач и Катартал находятся в совершенно разных районах Ташкента (с. 391). С.П. Толстов – выдающийся советский этнограф, а не "уполномоченный от партии и государства", и атлас – не политическое эссе, где вешаются ярлыки (с. 299). На с. 339–351 – термин "той" везде переведен как "свадьба", хотя означает празднество вообще. Свадьба – один из видов тоя – *никох-той*.

И совсем непонятна характеристика французской диаспоры в Узбекистане: "Как известно, французский еврей – более француз, чем сами французы" (автор – Л. Жукова, с. 237).

Мы указали только на те недостатки "Атласа", которые бросаются в глаза при первом прочтении. Наряду с ними в нем есть масса спорных мест, которые в современной

науке трактуются неоднозначно. Авторам атласа в таких случаях нужно было отразить вариации научных трактовок, а не давать категоричные формулировки одной из версий.

В "Атласе" не был использован имеющийся массив литературы об этнографии узбеков, опубликованный в последние 15–20 лет. Как результат – в статье об узбеках нет всесторонней этнической характеристики хозяйства, семейного и общественного быта, материальной и духовной культуры, национальных праздников, а обычаи представлены лишь обрядом *купкари*.

В статье о таджиках без каких-либо ссылок подвергается критике вся литература о таджиках, но при этом не дается собственное этническое описание таджиков – приводится лишь цитата из очерка В.В. Бартольда, написанного для "Энциклопедии ислама". В той же статье допущены ошибки в определении ареала расселения таджиков в Узбекистане. Неверно, что основная часть таджиков Ферганской долины проживает в селах. Напротив, они составляют значительную часть населения городов Чуст, Кувасай, Риштан, Касансай и Сох. Неправильно и утверждение о том, что велико присутствие таджиков в кишлаках Самарканда, а в самом городе их влияние менее заметно, чем в Бухаре. Это опровергается приведенными тут же данными, показывающими, что в Самаркандской обл. в 2000 г. проживало 19,9% таджиков Узбекистана, а в Бухарской – 4,4% (с. 191).

Авторы отождествляют таджикский язык с персидским и пишут о нем: "фарси, называемый в настоящее время таджикским" (с. 195), хотя известно, что в результате дифференциации иранских языков фарси и таджикский стали двумя самостоятельными языками.

Идентичность таджиков представляет "специфический случай в этнической истории Узбекистана", как справедливо указывают авторы "Атласа". Однако можно ли объяснять эти специфические черты слабым этнокультурным самосознанием таджиков и ассимиляционной политикой государства? Идентичность таджикского населения Узбекистана складывалась под влиянием целого ряда исторических факторов в процессе многовекового совместного проживания предков таджиков и узбеков. В результате этого взаимовлияния (не только **тюркизации**, на что делают акцент авторы, но и **иранизации** тюрков) в культуре и образе жизни двух народов сформировалось много общих черт, сложилась этноареальная культура ряда регионов. "Узбекизация", о которой говорят авторы атласа, – продолжение данного объективного процесса, а не итог ассимиляционной национальной политики в XX в. Авторы статьи делают вывод о том, что "под влиянием образования независимого Узбекистана, придания узбекскому языку статуса государственного, перехода на латинскую графику" ситуация двуязычия таджиков "меняется в сторону узбекизации местного таджико- и двуязычного населения", "возникает угроза языкового отчуждения таджиков и узбеков" (с. 201).

Известно, что предки узбеков и таджиков в течение многих столетий совместно проживали в ряде государственных и политических объединений региона, в которых господствовали различные языки и графики – согдийская, арабская, тюркская, фарси. В советское время письменная графика менялась дважды. Но это не отражалось на взаимоотношениях народов, не сопровождалось их отчуждением.

Что касается развития таджикского языка, то за последние годы значительно расширилась сфера его активности: возросло количество таджикских школ (в 2000 г. в 312 таких школах обучались 128 тыс. детей), выходят республиканская, областные и районные таджикские газеты в Бухарской, Наманганской и Сурхандарьинской областях, на республиканском радио и телевидении увеличились число каналов и время вещания на таджикском языке.

Неполная характеристика этнических групп, искажения и неточности – результат того, что "Атлас" создавался в короткие сроки и не прошел обсуждения в кругу специалистов. Сам авторский коллектив в основном состоял не из этнологов. При обилии новых

опубликованных материалов, авторы "Атласа" пользуются главным образом литературой, вышедшей несколько десятилетий тому назад. Впрочем, так случается довольно часто, когда научная проблема освещается неспециалистами.

При подготовке справочных изданий научный этикет и разумный подход предполагает ознакомление авторов с мнением широкого круга ученых об их работе. Это делается для соблюдения элементарного и необходимого в науке критерия истинности. Но, видимо, этот вопрос не интересовал создателей "Атласа". Несмотря на критические мнения ученых и представителей национальных культурных центров Узбекистана, они не провели ни одного публичного обсуждения своей работы ни до ее опубликования, ни после выхода книги.

О статье А. Ильхамова "Археология узбекской идентичности"

Без каких-либо аргументов в статье утверждается, что в советской и постсоветской литературе вся история и этногенез узбеков подверглись мифологизации. Автор обещает дать новую, "демифологизированную" трактовку этногенеза всех народов Центральной Азии, что звучит достаточно амбициозно, а с учетом широты данной темы представляется практически нереальным в рамках отдельно взятой статьи.

Действительно ли в статье осуществлен прорыв в понимании формообразования этнической истории узбеков? Увы, нет. На суд читателя представлена старая и отвергнутая многими этнологами версия формирования узбекской народности в период правления Шайбани-хана (XVI в.) (Никонов 1988: 312; Салимов 1975: 76, 78; Литвинский 1990: 32; Поляков 1982: 176). Исходя из этой концепции, формировавшейся на базе ограниченного количества источников, Ильхамов обвиняет крупных ученых А. Якубовского и С. Толстова в создании концепции удревнения истории происхождения узбекского народа. Якубовский, выступая против теории связывания этногенеза узбеков со временем появления в Средней Азии Шайбани-хана в XVI в., основывался на огромном массиве источников (археологических, письменных и иных), признанным знатоком которых он являлся. Корректное опровержение позиции Якубовского, согласно правилам научной критики, предполагает либо опровержение всей используемой им базы данных, либо детальную и квалифицированную критику их интерпретации. Ни то, ни другое Ильхамовым не было сделано.

Источниковая база статьи Ильхамова весьма скудна. Заметно, что автор не располагает сведениями о новых результатах, полученных в ходе исследований последних десятилетий. Вне поля зрения Ильхамова остались труды К. Шаниязова (*Шаниязов* 1998: 31–44), в том числе его фундаментальное исследование "Процессы формирования узбекского народа" (*Шаниязов* 2001), работы Б. Ахмедова, А. Ходжаева, Т. Ходжайова, Ш. Закирова и др. (*Ахмедов* 1965; 1992; *Ходжаев* 2001; *Ходжайов* 1980; 1987; *Закиров* 1994). В них на основе обширной источниковой базы убедительно показано, что процесс формирования узбекской народности протекал на протяжении длительного исторического периода, включил в себя различные этнические компоненты и завершился в XI в. в государстве Караханидов.

Главный тезис А. Ильхамова сводится к тому, что формирование узбекской народности относится к эпохе Шайбанидов и связан прежде всего с историей даштикипчацких кочевников, а также примкнувших к ним местных тюркских племен и родов (чагатаев, огузов и др.) и так называемых сартов. Таким образом, этногенез узбекской народности начинается с первой половины XVI в., когда кочевые узбеки мигрировали из степей Дашти Кипчака в Среднюю Азию (с. 270). При этом автором совершенно игнорируются этногенетические процессы, протекавшие на территории региона в течение многих веков и имевшие принципиальное значение для становления узбекского этноса.

Нам представляется, что первоначальной основой этногенеза узбекской народности являлся местный оседлый тюркоязычный субстрат Средней Азии, который впоследст-

вии неоднократно включал в свой состав как соседние, так и пришлые ираноязычные и тюркоязычные этнические компоненты (Происхождение... 2004: 9). В этом ряду даштикипчакский компонент оказался наиболее поздним и не внес существенных изменений в процесс сложения узбекского этноса. Кочевые племена влились в состав древнего оседлого тюркского населения Средней Азии и, приняв его язык, приобщились к его культуре. Даштикипчакский племенной союз лишь дал сформировавшейся ранее этнической общности этноним "узбеки". Этот этноним после национального размежевания 1924 г. стал применяться по отношению ко всему оседло-земледельческому тюркоязычному населению региона.

Так как внимание автора сконцентрировано в основном на позднесредневековом периоде этнической истории узбеков, было бы целесообразно определить данный раздел книги не как "этногенез узбекского народа", а как "завершающий этап" этнической истории. Автор явно не знаком с обширным пластом археологических, исторических, этнографических, эпиграфических, антропологических и других источников, что делает выдвигаемую им концепцию умозрительной.

О чем же говорят эти источники? Изучая их, большинство специалистов в данной области пришли к выводам, которые мы постараемся кратко обобщить.

Узбеки как этнос сформировались в центральных областях Средней Азии – Мавераннахре, Хорезме, Семиречье, частично – на территориях Восточного и Южного Туркестана. Этническую основу узбекского народа составили издревле проживавшие на территории современного Узбекистана и занимавшиеся преимущественно орошаемым земледелием этнические группы – согдийцы, бактрийцы, хорезмийцы, ферганцы, саки, массагеты и др. (Шаниязов 2001: 8–9). В этногенезе узбеков участвовали также этнические группы, прибывшие в регион из Южной Сибири, Алтая, Семиречья, Восточного Туркестана, Поволжья, Приуралья.

В результате многолетних археологических и антропологических исследований на территории Узбекистана доказано, что в междуречье Амударьи и Сырдарьи в эпоху поздней бронзы в результате интеграции и ассимиляции различных этнических компонентов сформировался характерный для узбекского этноса антропологический тип (Аскаров и др. 1970; Ходжайов 1981: 19, 37–38).

Известно, что в III в. до н. э. в среднем течении Сырдарьи в результате союза *тюрков и согдийцев* сформировалось государство Канг (Бичурин Т. II: 184; Кюннер 1960; Шаниязов 1990; Филянович 2001: 15–26). В эпоху Канг в Мавераннахре и связанных с ним областях развивались экономические, политические и этнокультурные связи между различными тюркскими группами, и на этой основе сформировался *канглийский* этнос, стала развиваться соответствующая ему культура (Шаниязов 2001: 19), получившая название *кангюй*, или *каунчинской* культуры (Буряков 1982: 70–80; Филянович 1983: 135–152).

По данным антропологов, именно в этот период в долинах Средней Азии на базе симбиоза *согдийцев и канглийцев* сформировался антропологический тип, характерный для современных узбеков и равнинных таджиков и называемый *памиро-ферганским* (Ярхо 1936; Ошанин и др. 1958; Ходжайов 1980).

Среди участвовавших в этногенезе узбеков этнических компонентов важное место занимают пришедшие в Среднюю Азию из регионов Южного Алтая и Восточного Туркестана юечжи, оказавшиеся в регионе в I в. до н.э. – IV в. н. э. кушаны и прибывшие в III–V в. н.э. в центральные области Средней Азии из регионов Южной Сибири, Джунгарии, Восточного Туркестана хиониты, кидариты и эфталиты.

Важнейшую роль в этногенезе узбеков сыграли тюркские группы, которые в эпоху Тюркского каганата (VI–VIII вв.) прибыли в центральные области Средней Азии (Ташкент, Зарафшан, Кашкадарья, Сурхандарья, Фергана) и в Хорезм. Позже часть этих групп осела. Тюркские группы, оказавшиеся в регионе в период Тюркского каганата, вступили в тесные этнокультурные связи с местным населением, что оказало большое

влияние на развитие региональных этнических процессов. Взаимосвязь и взаимодействие этнокультурных традиций *тюрков* с культурными традициями местного населения оказало большое влияние на все этнокультурное развитие. Этот период был периодом яркого тюрко-согдийского симбиоза (Кляшторный 1973: 19–20; Отахужаев 2004: 43–46).

К VIII в. относится появление в регионе представителей *арабов* и *аджамов* (неарабских этносов Ближнего и Среднего Востока), но оно не оказало большого влияния на этнические процессы в регионе. В тот период изменения в этническом составе населения связаны с тем, что оседлое и полуоседлое тюркское население Мавераннахра, согдийцы и коренное население Хорезма, проживая на своей территории, находились сначала под властью арабов (VII–VIII вв.), а потом – Саманидов (IX в.).

В целом начиная с IX в. на территории Мавераннахра резко возрастает численность тюркского и тюркизированного населения, развиваются процессы тюркизации *согдийцев* и других групп местного населения. По мнению К. Шаниязова, в IX–X вв. процесс оседания тюркских родоплеменных групп продолжался. В эти столетия тюркский компонент стал главным среди населения Мавераннахра и Хорезма (Шаниязов 1991). По мнению акад. А. Аскарлова, основу этого мощного этнического компонента составляли коренные оседлые тюркские группы (Аскарлов 1985: 3; 2002: 54–60).

В период господства Караханидов (IX–XI вв.) в связи с переходом политической власти в Мавераннахре и Хорезме в руки тюркских династий начался *завершающий* период этногенеза узбекского народа. В государстве западных Караханидов сформировался тюркский этнос, составивший этническую базу современных узбеков. В этот период сложилось единство таких ведущих этнических характеристик, как единство территории, языка, культуры, исторической судьбы, этнического самосознания, государственной принадлежности, религии и т.д. (Шаниязов 2001: 101). Проживавшее в Мавераннахре и на прилегающих к нему территориях тюркское население (карлуки, чигили, ягма, тухси, халачи, аргыны, огузы, кипчаки, узы, канглы и т.д.) стали ощущать себя принадлежащими к одному единственному этносу. Если брать в целом, то в XI – первой половине XII в. все основные этнические признаки узбеков уже сложились и узбеки стали единым этносом на уровне *народности* (Там же: 102).

С XIII в., после нашествия монголов, процесс тюркизации региона еще более усилился. Вплоть до XV столетия включительно продолжался следующий этап развития узбекского этноса.

В эпоху улуса Чагатая, а затем в эпоху Амира Темура (Тимура) и Темуридов (Тимуридов) совершенствовался литературный *тюркский* (*чагатайский*) язык. На высокую ступень литературного развития узбекский язык поднял А. Навои. Живой язык народных масс развивался на основе трех диалектов – *карлукского*, *кипчакского*, *огузского*. В эпоху Темура и Темуридов этническая история и этнокультурный прогресс региона связаны с этническими группами барласов, джалаиров, каучинов, арлатов, кипчаков (Шаниязов 1996).

Важный период этнической истории узбеков – конец XV – начало XVI в. В это время в Среднюю Азию переселились многочисленные даштикипчакские группы – мангиты, кунграты, найманы, уйгуры, сарай, катаганы, кушчи, дурмены, кенегесы, кырки, юзы, минги, бахрины и др.

Необходимо отметить, что появление даштикипчакских групп не привело к *серьезному* изменению этнического состава оседлого населения междуречья Амударьи и Сырдарьи, а также Хорезма. Даштикипчаки были *всего лишь еще одним* этническим компонентом в составе узбекского этноса. Они оказали относительно заметное влияние на образ жизни, традиции, культуру, хозяйственную деятельность только некоторых регионов Узбекистана – юга (Сурхандарьинский и Кашкадарьинский регионы) и Зарафшанской долины (Происхождение... 2004: 9). Тюркский этнос среднеазиатского Междуречья от даштикипчаков получил лишь этноним "узбеки", хотя по поводу данного этнонима в науке до сих пор ведутся споры. Некоторые исследователи (Г. Вамбери, Г. Хо-

ворс, М.П. Пельо) полагают, что данный этноним происходит от тюркского выражения "уз-узига бек", т.е. "сам себе хозяин" (*Вамбери* 1873). Другие возводят этноним "узбеки" к золотоордынскому Узбек-хану (XIV в.) (*Иванов* 1958; *Якубовский* 1941; *Греков, Якубовский* 1950: 298–302). Еще одна группа исследователей полагает, что этноним узбеки восходит к группе кочевых племен Белой Орды (восток Даштикипчака) (*Семенов* 1954: 3–37; *Ахмедов* 1965: 11–17; 1992: 10–11).

Следующий этап развития узбекского этноса связан с историей Бухарского эмирата, Хивинского и Кокандского ханств. Несмотря на разделение по различным государствам, узбеки смогли сохранить этническое единство.

Период конца XIX – начала XX в. связан с господством Российской империи. Установление советской власти и национально-государственное размежевание привели к созданию пяти национальных республик Средней Азии. Среди народов региона протекали процессы внутриэтнической консолидации и этнической ассимиляции. Однако негативное влияние на этническое развитие узбекского и иных народов оказывала теория единства "советского народа как новой единой общности". Но на *этнокультурное* развитие и *менталитет* узбекского народа данная теория серьезно не повлияла.

Таким образом, вопрос об этногенезе узбекского народа, как и других народов Центральной Азии, не может быть ограничен временными рамками XVI в. Никто из специалистов, исследовавших вопросы этнической истории узбеков, не рассматривал их в отрыве от общих историко-этнических процессов, которые имели место на протяжении многих веков.

А. Ильхамов нередко допускает ошибки в характеристике этнических компонентов узбекского этноса. Так, он пишет, что сарты состояли "из оседлого тюркоязычного, преимущественно городского населения, происходящего из турок" (с. 270) (может быть, *тюрков*?). Далее отмечается, что потомки "сартов и других племен сегодня уже не помнят об этнической и родоплеменной принадлежности своих дедов и их прадедов" (с. 301). Однако известно, что сарты не были племенами и не имели родоплеменного деления, – это древнее оседлое ремесленно-земледельческое население региона (*Шаниязов* 2001: 415; *Аскарлов* 2004: 8–11; *Kamoliddin* 2004: 63–64).

Есть публикации, где утверждается, что тюркоязычные народы вели исключительно кочевой образ жизни и начали переходить к оседлости не ранее IX–X вв. н.э. Встречаются порой и такие работы, где допускаются грубые и даже оскорбительные заявления вроде того, что тюркоязычные народы Центральной Азии – это бескультурные кочевники, скотоводы, пришельцы и завоеватели, не имевшие своих культурных традиций в регионе (*Хмельницкий* 1996: 11, 14). Конечно, такие бездоказательные высказывания не воспринимаются специалистами всерьез.

Уже доказано, что ранние тюрки проживали в Центральной Азии еще в I тысячелетии до н. э. Они составляли часть его коренного автохтонного населения. Часть древних тюрков изначально вела оседлый образ жизни. От них и ведет свое происхождение узбекский народ (*Шаниязов* 1998: 31–44; 2001: 8–12; *Ахмедов* 1992).

Этимологический анализ терминов, извлеченных из китайских, арабских и персидских источников, говорит о том, что в древности тюркоязычные племена Центральной Азии занимались не только скотоводством, но и земледелием, что выражается в наличии тюркских терминов, употреблявшихся для обозначения продуктов земледелия (*Давыдова, Шилов* 1953: 193–201; *Салгарина* 1998: 130–131; *Исламова* 1985: 89–91).

Один из ранних этапов истории тюрков Средней Азии VI в. был связан с горнорудным промыслом, когда они добывали в горах Алтая железную руду для жужанских хаканов. В эпоху раннего средневековья с тюрками связано и функционирование железных, медных, серебряных и золотых рудников в верховьях Амударьи. В тюркских языках названия многих металлов (железа, золота, олова и др.) образованы на основе тюркских слов (*Камалиддинов* 1996: 222–223).

Археологические данные свидетельствуют о том, что у древних тюрков были также развиты другие ремесла, характерные для оседлых жителей. Например, в Ферганской долине при раскопках археологи обнаружили гончарные изделия, изготовленные на круге, с тюркскими руническими письменами, процарапанными на сырой глине до обжига. Указанный факт свидетельствует о том, что мастера – гончары, изготовившие эти изделия, скорее всего, были тюрками (*Козенкова* 1961: 256–257).

Все это говорит о том, что древние тюркоязычные народы Средней Азии занимались не только кочевым и полукочевым скотоводством. Часть их вела оседлый образ жизни и занималась земледелием, горнорудным делом и различными видами ремесленного производства. В этой связи вполне закономерной является постановка вопроса об участии древних тюрков в создании древнейших протогородских цивилизаций Средней Азии.

В средневековых источниках имеются многочисленные указания на существование у тюрков городов. Арабский географ X в. Кудаман ибн Джафар приводит предание, согласно которому тюрки эпохи А. Македонского делились на "степных" и "городских", и определенная часть их еще в то время, т.е. в IV в. до н.э., проживала в городах Центральной Азии (*Kodama ibn Djafar* 1967: 263). Особый интерес представляет сообщение Махмуда Кашгари о том, что "все города Мавераннахра были основаны тюрками и принадлежали им" (*Махмуд Кошгарий* 1960: 164).

В своих исследованиях К. Шаниязов и другие ученые отмечают, что города играли большую роль в формировании узбеков как интегрированной этнической общности.

В IX–XI вв. расцвет оседло-земледельческой культуры сопровождался небывалым ростом градостроительства и развитием городской цивилизации (*Шаниязов* 2001: 8–12), что заметно повлияло и на развитие узбеков, в частности узбекского языка.

Современный узбекский язык наряду с уйгурским – один из самых близких к языку словаря М. Кашгари и памятников древнетюркской письменности (*Махмуд Кошгарий* 1960). Богатство тюркской терминологии, охватывающей почти все аспекты жизни оседло-земледельческого и городского общества, свидетельствует о том, что формирование узбекской народности закончилось к XI в. при наличии своего литературного языка, культуры и государственности (*Шаниязов* 2001: 87–88). На этом фундаменте происходило последующее развитие народа, к которому в дальнейшем примыкали другие этнические компоненты (тюркоязычные и ираноязычные). Карлукское наречие тюркского языка легло в основу чагатайско-тюркского языка, на котором писали Навои, Бабур и другие классики узбекской литературы.

Таким образом, узбекский народ является историческим и этническим преемником древнейшего автохтонного оседло-земледельческого и городского тюркоязычного племени населения Средней Азии, а также носителем одной из древнейших литературных форм тюркского языка (*Шаниязов* 1962: 489).

Мы не можем также согласиться и с другими выводами А. Ильхамова, относящимися к более поздним процессам, в частности, о месте и роли отечественной интеллигенции в национально-государственном размежевании Центральной Азии.

Прежде всего следует отметить, что автор пытается дать анализ многолетней дискуссии о термине "сарты", проходившей в начале XX в. Он справедливо отмечает, что значение термина менялось на протяжении многих веков. Сам Ильхамов, придерживаясь позиции В. Бартольда, считает, что сарты – это отдельная народность. К остальным версиям он относится критически, видя в них "идеологическую подоплеку". Многострадальными джадидами в очередной раз, через 100 лет после большевиков, обвиняются в пантюркизме и панисламизме. Ссылаясь на Б. Хаита и Ю. Брегея, Ильхамов утверждает, что термин "сарт" был намеренно введен русскими, чтобы "постепенно расстроить таким способом национальное самосознание Туркестана". На самом деле не русские ввели этот термин. Царская администрация использовала уже существовавший термин с подачи востоковедов, и это хорошо знал М. Бехбуди, знакомый с работами ученых.

Отказ джадидов от этого термина являлся своего рода протестом против колониализма. И мнение об оскорбительности слова "сарты" принадлежит не Ш. Лапину, как утверждает А. Ильхамов. Известно, что М. Бехбуди провел этнографическое исследование и опрос населения в нескольких областях, прежде чем прийти к такому же выводу. Всеобщую перепись населения 1897 г. нельзя оценивать однозначно, следует учитывать, что во время переписи не производился скрупулезный опрос каждой семьи, да для этого и не было возможности.

А. Ильхамов считает, что большевики предпочли термин "узбек" термину "сарт", потому что сарты были более зажиточными, предприимчивыми и интеллектуально развитыми, поэтому советская власть не видела в них опоры. Значит, узбеки более подходили для новой системы правления? Но на с. 287 "Атласа", основываясь на данных Абу-л Гази, автор сам себе противоречит, говоря о том, что узбеки "стояли на стулень выпе, по сравнению с сартами, по социально-политической иерархии". Он считает, что большевики предпочли узбеков, поскольку у них были исторические символы, что создавало условия для формирования узбекской идентичности. Означает ли это, что сарты, как древнейшее население региона, не имели таких символов?

Еще одно противоречие заключается в том, что, являясь сторонником идеи о сартах как отдельной народности, А. Ильхамов пишет, что "современные узбекские культура и язык по своей сути являются сартовскими", в то время как этноним – узбекским (с. 293). Сам автор не может провести четкой линии между сартами и узбеками, в силу чего его доводы выглядят неубедительными и противоречивыми.

Ильхамов считает джадидов идейными организаторами создания Узбекской ССР. Но как было это возможно, если М. Бехбуди – признанный отец джадидизма в Туркестане – погиб в 1919 г.

К 1922 г. – времени формирования СССР – и к 1924 г. – времени формирования Узбекской ССР – джадиды уже находились в опале, а многие были арестованы. По крайней мере, к этому периоду Минаввар Кары сидел в ташкентской тюрьме, а Фитрата осудили за "финансовые нарушения" в бытность его министром финансов в Бухаре в 1923 г. (он оправдался, ускал в Москву на учебу и больше никогда не возвращался к политической деятельности). Джадидская идея единого Туркестана не ограничивалась территорией проживания узбеков, как пишет Ильхамов, а Туркестанская автономия включала часть территории Семиречья и Прикаспия. И утверждение, будто она ограничивалась рамками бывшего Кокандского ханства – неверно. Она потому и называлась "Туркистон Мухторияти", что претендовала на весь Туркестан. Известно, что представители Семиречья и Закаспийской (казахи и туркмены) области участвовали на IV чрезвычайном мусульманском съезде 27 ноября 1917 г., где было объявлено о создании Туркистон Мухторияти. Другое дело, что автономия просуществовала всего два с половиной месяца и ее правительство просто не успело четко обозначить границы провозглашенного государства. Это планировалось рассмотреть на Туркестанском учредительном собрании, которое должно было состояться в марте 1918 г. Однако, как известно, 19 февраля большевики разгромили республику (Улуг Туркистон 1917, 30 сентябрь; Свободный Самарканд 1917, 5, 8 декабря; *Агзамходжаев* 2000: 168). В национально-государственном размежевании джадиды не играли никакой роли. После разгрома автономии они поняли, что большевистская власть никогда не пойдет с ними на компромисс.

Строить свою версию этногенеза и этнической истории узбеков на умозрительных рассуждениях, без опоры на источники и на этом основании обвинять национальную интеллигенцию и русских историков в выполнении заказа по "селективному формированию узбекской истории" – это попытка сделать научную сенсацию на базе псевдонаучных заключений.

Некоторые комментарии к дискуссии

Под влиянием критики А. Ильхамов исправил многие недочеты гл. 1 в электронной версии "Этнического атласа Узбекистана", а также внес изменения в ту часть, которая озаглавлена "Археология узбекской идентичности". Сняв раздел "Этногенез", он объяснил, что не пытался конструировать этногенез узбеков: "Само понятие этногенеза мне кажется не вполне подходящим к эволюции становления этносов и наций, т.к. оно взято из арсенала биологических наук, представляя социальные процессы в качестве естественных наук, где воля индивидов, институтов власти, групп, особенно элит, одним словом – социальных субъектов, как бы остается за кадром" (Ильхамов 2005: 25).

Известно, что слово "этногенез" происходит от греческого *ethnos* (племя, народ) и *genesis* (зарождение, происхождение) и означает происхождение или возникновение *этнического*, а отнюдь не биологического. Само понятие "генезис" широко употребляется в общественных науках. Непонятно, кому из ученых-этнологов А. Ильхамов пытается приписать биологический подход к этнической истории и игнорирование в ней роли социальных субъектов. В основу трудов узбекских исследователей положен исторический, эволюционный подход к изучению этнической истории. Но если бы автор обстоятельно изучил их труды, то понял, что в них наряду с этим обозначено и признание субъективного, политического фактора, влияющего на этническую историю. В исследованиях К. Шаниязова, особенно в его последней монографии – "Процесс формирования узбекского народа", можно обнаружить, что автор связывает этапы этнической консолидации тюрков с появлением в Мавераннахре политических образований – Тюркского каганата (VI–VII вв.) и государства Караханидов (XI–XII вв.). Первое сплотило многочисленные племена и оседло-земледельческое тюркизированное население, что способствовало созданию основ этнического единства. В Караханидском государстве был завершён процесс формирования этой этничности, получившей в XVI в. название узбекской (Шаниязов 2001: 96–97). Роль государства отмечалась и в других трудах (Очерки истории... 2001; Ртвеладзе, Саидов 2001). Историки никогда не отрицали, а подчеркивали значение национально-государственного размежевания 1924 г. для формирования узбекской нации, ее окончательной консолидации.

Ильхамов поставил перед собой цель показать процесс "конструирования узбекской идентичности", используя новые подходы к природе этничности. В основе этих подходов – известная в западной антропологии теория *конструктивизма*, которая признается рациональной далеко не всем этнологическим сообществом. Конструктивизм отрицает существование этнических сообществ как объективной реальности, признавая лишь этнические свойства, конструируемые в зависимости от обстоятельств. В связи с этим формирование нации предстает не как естественно-исторический процесс, а как результат политической конструкции. Безусловно, влияние политических факторов (государств, чужеземных вторжений и т.д.) – важный фактор в формировании этнических объединений. Однако сводить к ним все многообразие этнообразующих факторов неверно. В этногенетических процессах наряду с политическими важную роль играют этноконсолидирующие факторы, существующие в качестве естественных предпосылок (единство языка, культура, обряды, религиозные верования и т.д.) интеграции веками сосуществующих общностей на определенной территории.

Исходный тезис конструктивизма связан с определением этнических объединений как "воображаемых" или "воображенных" сообществ людей и утверждением, что нации создаются государством. Исходя из этого, встает вопрос о пределах влияния государства и власти в нациестроительстве, о соотношении субъективного и объективного в данном процессе. Нельзя подходить к этому вопросу односторонне, абсолютизируя волю и действия государства.

Здесь мы согласны с С.С. Губаевой, что "конструирование" или "изобретение" нации – это начальный процесс, который помог сократить множественность идентифика-

цией и реально содействовал дальнейшему развитию экономики края, что стало фактором, который стимулировал *естественные* (повторяем – естественные) процессы объединительного характера вообще и "консолидационного в частности" (с. 50 журнала "ЭО"). Это подтверждает и сам Ильхамов, начиная свое изложение нацистроительства в начале XX в. с рассмотрения того, что собой представляли этнические компоненты, на основе которых структурировалась узбекская нация. Процесс формирования нации весьма длительный и связан не только с исходным моментом этнической унификации, с выбором символов, но и с дальнейшими историческими процессами, не все из которых определяются волей государства. Так, не удалось же англичанам, французам и другим сконструировать желаемые ими нации в Африке из различных этнических групп, так как существовали причины, не дававшие возможность для их объединения. Например, языковые различия между этническими группами, общение между которыми было возможно лишь на английском или французском, стали препятствием в интеграционных процессах.

Ограничившись рассмотрением таких факторов, как государство и интеллектуальная элита, автор умолчал о самосознании широких масс. Это подметил И.С. Савин, подчеркнув, что "у читателя может возникнуть односторонняя картина полного произвола интеллектуалов и руководителей в деле создания наций, которые игнорировали особенности коллективного самосознания широких масс населения" (Савин 2005: 70). Сама конструктивистская концепция нацистроительства имеет в виду не только участие в нем политической власти как таковой, но и власти самого человека над собой, который "впитывает отношение власти" и "становится началом собственного подчинения" (Фуко 1999: 297). Формирование индивидуального и коллективного самосознания во многом определяет становление этнической идентификации. Государство же подталкивает и направляет это своими действиями.

В действительности процесс подготовки национально-государственного размежевания и структурирования узбекской нации шел в течение первой половины 20-х годов XX в., когда оказывалось масштабное давление на самосознание масс населения сначала Туркестанской, а позже Бухарской и Хорезмской республик, "шло искусственное форсирование интеграции национальных идентичностей" (Туркестан... 2000: 667). Ненасильственная интеграция и консолидация наступили позже. Для полноты картины следовало бы сказать об этом, а также о механизмах изменения в структуре самосознания узбеков, путях восприятия новой идентичности, который был сложен и длителен. И только с его завершением можно было говорить о узбекской этнонации. Это подчеркивает и С.Н. Абашиин, призывая А. Ильхамова выявить, "как и почему человек или общество принимает это имя, эти границы и эти символы, как и почему человек или общество подчиняется им – и подчиняется ли?" (Абашиин 2005: 84).

С.Е. Рыбаков, сопоставляя две парадигмы в культурной антропологии, отметил эту специфику конструктивистской критики: "Общий пафос конструктивистских работ в основном сводится к тому, что они представляют себя в качестве единственного передового учения, олицетворяющего собой современную мировую науку, а примордиализм настойчиво пытаются отправить на свалку научных заблуждений" (Рыбаков 2001: 21).

Известно, что примордиализм исторически был предшественником конструктивизма и имеет обстоятельно разработанные методологические основы. Можно согласиться с тем, что и в примордиализме (а он представлен различными направлениями) нельзя найти ответы на все вопросы изменяющейся действительности. Теория, которая смогла бы это сделать, была бы просто закоснелой схемой. Но вклад примордиализма в теоретическую этнологию несомненен. Конструктивизм также представлен различными направлениями, а в последние годы все чаще говорят о постконструктивизме. Это свидетельствует о том, что и конструктивизм не смог решить многие проблемы, поставив таким образом вопрос о его замене более эффективной методологией.

Следует учесть, что каждое из указанных направлений основано на изучении определенных историко-этнических процессов и этнических сообществ. В этом плане ученые всех постсоветских государств, в том числе и центральноазиатских, склонны воспринимать одни теории и концепции, а исследователи США – другие.

А. Ильхамова нельзя назвать последовательным конструктивистом, так как вся первая часть его работы изобилует примордиалистской терминологией. Для того чтобы раскрыть процесс нациестроительства в Узбекистане, ему пришлось обратиться к эволюционистской методологии, т.е. к методам этнологии, развивающейся в рамках исторической науки. И это не случайно, поскольку нельзя показать, как шел процесс нациестроительства, какие этнические конструкты и явления ему предшествовали, опираясь только на конструктивизм. Несмотря на заявление о приверженности к конструктивизму, А. Ильхамов фактически приходит к выводу о необходимости консенсуса двух обозначенных парадигм в изучении этнических сообществ. Эту осторожную позицию в его работе как "между примордиалистскими и радикально деконструктивистскими моделями" отмечает П. Финке (Финке 2005: 63).

Наряду с разногласиями имеются и общие точки соприкосновения двух рассматриваемых парадигм. Некоторые конструктивисты на Западе признают, что нация – это не только "воображаемое" сообщество, она имеет сущностную константу и реально существует, если большая группа людей осознает свою общую этническую идентичность, которая конструируется политической и научной элитой. Примордиалисты пришли к выводу, что необходимо изучать не только объективные факторы, обуславливающие создание этнических сообществ, их специфику, аспекты, разделяющие их, но и субъективные моменты, присутствующие в этом процессе. Здесь имеются в виду представления людей о своей этнической идентификации и т.п.

Несомненно, многие позиции конструктивизма позволяют с новых сторон рассмотреть и оценить различные проблемы этнологии. При анализе современных проблем они дают исследователям возможность изучить то, что нельзя сделать в рамках прежних теоретических парадигм. Но абсолютизировать конструктивистский подход было бы ошибкой. Так, С.Н. Абашин отмечает "слабость самой конструктивистской концепции", "заложенные внутри самой концепции ошибки" (Абашин 2005: 84). Это еще раз подчеркивает, что социальные антропологи находятся в стадии поиска оптимальных точек зрения на этническое.

Нельзя пройти мимо того, что в интересной и серьезной статье таджикского исследователя П. Шозимова А. Ильхамову неверно приписывается отождествление термина "сарт" и "таджик". Это делается вполне преднамеренно, так как Ильхамов дал весь спектр мнений по этому вопросу, который свидетельствует о том, что сарты – это древнее оседло-земледельческое население Средней Азии, включавшее в своей большей части два этнических компонента – тюркский и таджикский. Во многих средневековых рукописях этот этнический симбиоз обозначался единым термином "тюрк-ва-тоджик".

П. Шозимов пытается убедить читателя, что нациедифференцирующий признак современной узбекской идентичности на сегодняшний момент (курсив наш. – Авт.) выражен в большей мере в культурном пространстве персидско-таджикской идентичности, нежели тюркской. Никто не отрицает роль ираноязычного компонента в становлении узбекской идентичности, однако исторически основным в структуре узбекской идентичности всегда был тюркский, а в XX в., после национально-территориального размежевания и образования национальный республик, данная тенденция еще более усилилась.

Есть ли этнологическая наука в Узбекистане?

Опубликованная в журнале "Этнографическое обозрение" заметка французской исследовательницы Марлен Ларюэль касается не столько самого "Этнического атласа" и

его содержания, сколько общего положения дел в области изучения этнологии Узбекистана.

Автор на примере выборочного, но крайне одностороннего и тенденциозного анализа работы одного этнологического подразделения в республике – отдела этнологии Института истории АН Республики Узбекистан – делает далеко идущие выводы о состоянии дел в данной отрасли науки в целом.

Высказывания автора и стиль изложения, прямо скажем, далеки от деликатности и выглядят не как продолжение научной и конструктивной дискуссии, а как обвинительное заключение. М. Ларюэль категорично утверждает, что в Узбекистане "интеллектуальная жизнь заторможена и научные публикации редки" (*Ларюэль 2005: 56*). Только в течение последних лет и только указанным Институт истории проведен целый ряд авторитетнейших международных форумов: совместные конференции с Институтом развития и культуры Азии (Южная Корея) в 2002–2004 гг.; конференция "Движения молодых в истории стран Юга" в 2003 г.; международный историко-философский симпозиум "Сознание в культуре, культура в сознании" совместно с Университетом Чунг-Анг в 2004 г.; семинар с американскими учеными по вопросам коллективизации и др. Кроме того, проведены республиканские научные мероприятия: историографические чтения (2003 г.), конференции, посвященные актуальным проблемам этнологии (2000–2005 гг.) и т.д. Ученые Института истории активно сотрудничают с коллегами из многих стран мира – США, Великобритании, Франции, Кореи, Турции, Индии, Швеции, Голландии, Японии и др., не говоря уже о России и странах Центральной Азии (Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан).

Если высказывание М. Ларюэль касается всей интеллектуальной жизни республики, то оно выглядит по меньшей мере абсурдно.

Если говорить о публикациях Института истории, то по их количеству публикаций именно он уже несколько лет уверенно лидирует среди гуманитарных подразделений Академии наук. Только в 2000–2004 гг. опубликовано более 40 монографий, несколько сотен статей. Более 100 работ сотрудников института опубликованы за рубежом: в России, Казахстане, Кыргызстане, Швеции, Южной Кореи, Германии, Франции, США.

Если в советский период в республике был единственный общесоветский журнал "Общественные науки в Узбекистане", то в настоящее время выходят журналы "История Узбекистана" ("Узбекистон тарихи"), "Общественное мнение. Права человека", "Эхо веков" ("Мозийдан садо"), "Мысль" ("Тафаккур"), "Общение" ("Мулокот") и т.д. В данных журналах регулярно печатаются материалы по всему спектру общественно-гуманитарных наук. Только в журнале "История Узбекистана" в 1999–2004 гг. было опубликовано более 30 статей по вопросам этнологии.

М. Ларюэль пишет: "В Узбекистане изучение современной истории практически запрещено" (с. 56). Она, вероятно, не знает, что в рамках Института истории АН Республики Узбекистан существует отдел "Истории периода независимости", в штате которого – три доктора и три кандидата наук, а также ряд молодых исследователей, являющихся обладателями международных и отечественных грантов по вопросам современных интеграционных процессов и безопасности. В настоящее время Институт истории работает над созданием 7-томной "Истории Узбекистана", последний том которой полностью посвящен современному периоду, проблемам политической, социально-экономической и культурной жизни республики.

Чрезвычайно политизированный подход М. Ларюэль к вопросам развития этнологии и истории в Узбекистане заставляет нас задуматься над тем, какие цели преследует автор. Ведь такое поверхностное и политизированное суждение, как "антропология и социология внушают недоверие, поскольку они исследуют общественные механизмы, практическая и символическая значимость которых непосредственно задевает власть... Власть, ожесточенно преследующая собственные цели, отнюдь не заинтересована в создании объективной картины постсоветского узбекского общества" (с. 56), по меньшей

мере, неуместно. Именно по инициативе властей был создан социологический центр "Общественное мнение". Всякому понятно, что любая власть заинтересована в информации о реальной ситуации в стране. А то, что автор называет "антропологией", в постсоветском интеллектуальном пространстве принято называть "этнологией". А этнология в годы независимости как раз находится в Узбекистане на подъеме.

"Поскольку проблемы религии и межэтнических отношений особенно чувствительны, власти исходят из принципа, что сами по себе исследования в этой области могут быть чреваты осложнениями" (с. 56). Но именно эти два направления – исследование религии и межэтнических отношений – являются одними из основных направлений в общественной науке постсоветского Узбекистана. Если говорить об Институте истории, то достаточно сказать, что 11 его сотрудников совместно с сотрудниками Университета Ватингтона (Сиэтл) и учеными-исламоведами из четырех вузов и НИИ Узбекистана участвуют в совместном трехлетнем проекте по сравнительному религиоведению. Что касается межэтнических отношений, то в Институте истории официально утверждены и разрабатываются несколько научных проектов, в том числе "Межэтнические отношения в Ферганской долине и на юго-востоке Узбекистана" и "Трагические события в Оше и Фергане". Кроме того, сотрудники института изучают межэтнические отношения в рамках совместного проекта Института истории и Университета Джорджии (США) по вопросам региональной безопасности.

Далее М. Ларюэль умозаключает, что и "археология приобрела исключительное стратегическое значение, поскольку только она может подтвердить или провозгласить древность присутствия узбеков на занимаемой ими сегодня территории и приписать им блестящие земледельческие цивилизации мифических Бактрии и Согдианы" (с. 56). Хотелось бы ответить на это словами ученого с мировым именем, академика АН Республики Узбекистан Э.В. Ртвеладзе. В своем докладе на международной конференции "Новая история Центральной Азии. Переоценка истории, современные проблемы и подходы" (Ташкент, сентябрь 2004 г.) он подверг критике некоторых среднеазиатских историков именно за создание концепции *этнической исключительности*, основанной на неоправданном возвышении своего народа и принижении значимости других народов (Ртвеладзе 2004: 127–133). В ряде статей, появившихся в последнее время в Узбекистане, подвергнуты критике подобные попытки некоторых не только ученых, но политиков и государственных деятелей Центральной Азии, строящих свои идеи на теориях, сконструированных для них "придворными" историками (Ртвеладзе 2003; Алимова и др. 2003).

Кроме того, археология – это не служанка политики, она упряма и ее невозможно подчинить заранее заданным целям.

Госпоже Ларюэль, написавшей, что в Узбекистане якобы исторические исследования направлены на подведение нерушимой базы под представления о преимущественных правах узбекского народа на одноименное государство (в сравнении с другими национальными группами) и обоснования его этнической, политической и языковой преемственности (с. 56), советуем прочитать статьи С.П. Толстого, Т.А. Жданко и др. Они убедят ее в том, что нет необходимости подведения такой базы, поскольку это сделано давно известными историками не только Узбекистана, но и России, которые основывались только на археологических данных и письменных источниках. Современные же историки и не пытаются удревнять историю Узбекистана, потому что считают всех представителей народов Центральной Азии правопреемниками самого древнего населения региона.

М. Ларюэль обнаруживает плохое знание истории развития этнологической науки на постсоветском пространстве, утверждая, что такой раздел этнологии, как "этногенез", появился лишь в советское время (с. 57). Для начала мы рекомендуем ей ознакомиться с фундаментальной монографией С.А. Токарева "История русской этнографии" (М.,

1966), в которой ясно обозначен традиционный для российской этнологии интерес к проблемам этногенеза.

Не выдерживает критики и утверждение о том, что в государствах Центральной Азии "этнология не приобрела... статуса самостоятельной научной дисциплины и полностью находится во власти исторического подхода" (с. 57). По всей видимости, М. Ларюэль смущает то, что институционально этнология и история в этих государствах действительно неразрывно связаны: в Казахстане ведущее историческое учреждение носит название Институт истории и этнологии, в Таджикистане также функционирует Институт истории, археологии и этнографии, в Узбекистане отдел этнологии является структурным подразделением Института истории, в Каракалпакии существует сводный Институт истории, археологии и этнографии. Не во всех государствах СНГ имеют возможность, как Россия, функционирования отдельного Института этнологии и антропологии. Но это не значит, что в этих государствах этнология не имеет статуса самостоятельной научной дисциплины. И что плохого в использовании исторических подходов? Другое дело, что ими не следует ограничиваться. Так, этнологи Узбекистана давно уже вышли за рамки чисто исторических подходов, активно используют современную методологическую базу: компаративистику, социологические подходы, методы этносоциальных исследований и т.д.

Согласно М. Ларюэль, отдел этнологии Института истории АН Узбекистана разделен на три подразделения – этнографии, этнической истории и этногенеза (с. 57). Видимо, ее смучило старое название отдела "Отдел этнографии, этногенеза и этнической истории". В нем отражен круг основных исследуемых вопросов, но никак не структурная разделенность отдела. Одни и те же сотрудники вполне могут заниматься каждым из названных вопросов и многими другими научными проблемами.

Возвращаясь к современным процессам, М. Ларюэль не устает повторять, что "всякие попытки изучения современности практически полностью исключены по причинам как политического, так и материального свойства" (с. 57). И делает вывод, что по этой причине "основной проект отдела этнологии посвящен махаллям старого Ташкента" (с. 57). Неверно. Махалля – лишь один из объектов изучения, при этом не самый главный. Два главных проекта отдела этнологии – "Этнокультурные процессы в современном полиэтническом городе (на примере г. Ташкента)" и "Межэтнические отношения в Ферганской долине и на юго-востоке Узбекистана" – как раз и направлены на изучение *современных* этнических процессов в Узбекистане.

Еще одно огульное обвинение звучит так: "В Институте истории ни один человек не занимается этнологией народов, проживающих за пределами Узбекистана, а два специалиста в области этнических меньшинств – по национальности кореец и татарин – изучают соответствующие этнические группы" (с. 57). В ответ на это придется дать справку. Первый из указанных М. Ларюэль сотрудников – В. Хан, специалист не только по корейской диаспоре, но и по вопросам теории и методологии этнологии, этнической миграции. Второй – Р. Шигабдинов, специалист не только по татарской диаспоре, но и по башкирской, ногайской, туркменской диаспорам Узбекистана, историческим и культурным связям между Центральной Азией и Поволжьем. Кроме того, отдел выполняет работу по гранту, в котором задействована большая группа специалистов различной национальной принадлежности, изучающих состояние всех этнических групп, проживающих в Ташкенте.

На каком основании М. Ларюэль делает вывод, что в Узбекистане "только узбеки могут изучать узбеков. Это кажется настолько очевидным, что тоже никогда открыто не обсуждается"? (с. 58). Ничего очевидного здесь как раз нет. Достаточно сказать, что среди тех, кто успешно исследовал и исследует узбеков, – много представителей самых разных национальностей. Даже если не брать XIX – первую половину XX в., когда узбеков активно изучали многие русские, украинцы, белорусы, поляки, немцы, таджики, ка-

захи, уйгуры и др. Но и в современной узбекской этнологии (историческая этнография, этноисточниковедение, этноархеология, этносоциология, этнофольклористика, этнокультурология, этногеография, этнополитология и др.) много исследователей различного этнического происхождения: грузины, русские, корейцы, таджики, татары, дунгане, украинцы, немцы, киргизы, евреи и т.д. И, наоборот, многие исследователи – этнические узбеки – изучают этнологию неузбекских этнических групп.

С разоблачительным пафосом автор говорит, что "темы кандидатских диссертаций свидетельствуют о полном отсутствии какого-либо обновления дисциплины: это все те же обрядовая пища, традиции производства тканей, семейная жизнь, воспитание детей, обряды жизненного цикла, женские украшения, жилище или одежда, типичные для того или иного региона" (с. 57).

Возникает вопрос, почему современная этнология должна отказываться от традиционной этнографической тематики? Безусловно, ограничиваться только данной проблематикой – означает сужать предметное поле современной этнологии. Но это не означает, что в изучении перечисленных тем поставлена последняя точка. Тем более что традиционная этнография накопила большой эмпирический материал, еще ждущий своего теоретического осмысления.

Относительно того, что "социология как научная дисциплина в Узбекистане практически не существует" (с. 58), мы вынуждены дать госпоже Ларюэль, которая составила свое видение уровня науки в Узбекистане на основе выборочного отбора "народной" информации, следующую официальную справку.

С 1997 г. в Узбекистане функционирует Центр изучения общественного мнения (ЦИОМ) "Ижтимоий фикр", уже осуществивший десятки масштабных социологических проектов во всех регионах республики, неоднократно публиковавший материалы во многих монографиях, сборниках и журнале "Общественное мнение. Права человека". Одна из недавних публикаций ЦИОМ совместно с Республиканским интернациональным культурным центром – коллективная монография "Межнациональная толерантность в Узбекистане: теория, социология, практика (социально-экономическая и духовная интеграция различных этнических групп в современное узбекистанское общество)" (Ташкент, 2004). Кроме ЦИОМ функционируют также множество других социологических центров ("Шарк", "Эксперт", "Тахлил" и т.д.), занимающихся прикладными социологическими исследованиями. В структуре Института философии и права АН Республики Узбекистан есть отдел социологии и политологии. Социологические подразделения имеют многие министерства и ведомства, во всех вузах республики читается курс "Социология", во многих есть кафедры социологии. Подготовка кадров социологов осуществляется в ряде вузов республики, а в структуре Национального университета Узбекистана есть факультет социально-политических наук. Функционируют бакалавриат, магистратура, аспирантура и докторантура по социологии. В Узбекистане четыре человека имеют ученую степень доктора и более 10 – кандидата социологических наук. Но количество профессиональных социологов значительно больше, поскольку многие социологи имеют ученые степени докторов и кандидатов философских, исторических, политических, психологических, педагогических, экономических наук. У А. Ильхамова также степень кандидата философских наук.

В Институте истории есть своя группа специалистов, прошедшие социологическую подготовку и переподготовку во время участия в социологических проектах ЦИОМ "Ижтимоий фикр" и других социологических центров республики.

Эти данные приведены для оказания помощи в сборе правдивой информации, а отнюдь не для защиты репутации института и его сотрудников, научная компетенция которых давно уже известна широкому кругу научной общественности ближнего и дальнего зарубежья.

Заключение

Подытоживая позиции по вопросам "Этнического атласа Узбекистана", разделу А. Ильхамова и статье М. Ларюэль, мы обнаруживаем некоторую общность этих материалов. Для них характерны **широкомасштабные** обобщения (будь то суждения об этнической истории узбеков или состоянии этнологической науки в Узбекистане) на основе **ограниченного** (а иногда выборочного) использования источников и сознательного или бессознательного **искажения** фактов (будь то свободное обращение с именами и национальной принадлежностью в "Атласе" или неверная информация о публикациях или темах проектов в статье М. Ларюэль). Первое прощительно для публицистики, в то время как для научных работ является недопустимым. Что касается предумышленного искажения фактов, то это вопрос добросовестного отношения к своей работе.

Литература

- Абашинов 2005 – Абашинов С.Н. Постсоветский национализм, теория этноса и конструктивистская критика // Этнограф. обозрение (далее – ЭО). 2005. № 1.
- Агзамходжаев 2000 – Агзамходжаев С.С. Туркестанская Автономия: опыт построения национальной демократической государственности. Ташкент, 2000 (на узб. яз.).
- Алимова и др. 2003 – Алимова А.Д., Филанович М.И., Буяков Ю.Ф. Объективность в истории – ответственность за будущее // Учитель Узбекистана. 2003. 16 мая.
- Алимова и др. 2004 – Алимова А.Д., Арифханова З., Камолитдин Ш. Каким не должен быть этнический атлас Узбекистана // История Узбекистана (O'zbekiston tarifi). 2004. № 1.
- Аскарлов 1985 – Аскарлов А.А. Некоторые аспекты изучения этногенеза и этнической истории населения Средней Азии. Ташкент, 1985.
- Аскарлов 2002 – Аскарлов А.А. Некоторые теоретические и научно-методологические основы этногенеза и этнической истории узбекского народа // История Узбекистана (O'zbekiston tarifi). 2002. № 4 (на узб. яз.).
- Аскарлов 2004 – Аскарлов А.А. О термине "сарт" // Материалы конференции "Коканд на протяжении веков". 2004 (на узб. яз.).
- Аскарлов и др. 1970 – Аскарлов А.А., Буяков Ю.Ф., Ходжайов Т.К. Новые археологические и антропологические материалы к этнической истории народов Средней Азии // Проблемы этногенеза и этнической истории народов Средней Азии и Казахстана. Вып. 1. М., 1970.
- Ахмедов 1965 – Ахмедов Б. Государство кочевых узбеков. М., 1965.
- Ахмедов 1992 – Ахмедов Б. Государство узбеков. Ташкент, 1992 (на узб. языке).
- Бартольд 1964 – Бартольд В.В. Сарт // Соч. Т. 2. Ч. 2. М., 1964.
- Бичурин – Бичурин И.Я. Собрания сведения о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. II. М.; Л., 1950.
- Буяков 1982 – Буяков Ю.Ф. Генезис и этапы развития городской культуры Ташкентского оазиса. Ташкент, 1982.
- Вамбери 1873 – Вамбери Г. История Бухары или Трансоксании с древнейших времен до настоящего. Т. 1. / Пер. А.И. Повлового. СПб., 1873.
- Греков, Якубовский 1950 – Греков Б.Д., Якубовский А.Ю. Золотая Орда и ее падение. М.; Л., 1950.
- Давыдова, Шилов 1953 – Давыдова А.В., Шилов В.П. К вопросу о земледелии у гуннов // Вестник древней истории. 1953. № 2.
- Закиров 1994 – Закиров Ш.Т. Арабоязычные источники IX–XII вв. и их значение в изучении этнополитической жизни народов Средней Азии. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ташкент, 1994.
- Иванов 1958 – Иванов П.П. Очерки по истории Средней Азии (XVI – середина XX в.). М., 1958.
- Ильхамов 2005 – Ильхамов А. Археология узбекской идентичности // ЭО. 2005. № 1.

- Исламова 1985 – Исламова З.А. Названия продуктов питания в словаре Махмуда Кашгарского "Дивану лугатит-турк" // *Вопр. тюркского языкознания*. Алма-Ата, 1985.
- Камалиддинов 1996 – Камалиддинов Ш.С. Историческая география Южного Согда и Тохаристана по арабоязычным источникам IX – начала XIII вв. Ташкент, 1996.
- Камалиддин – Камалиддин Ш.С. Еще раз об этническом атласе Узбекистана // www.etnonet.ru
- Камалиддин – Камалиддин Ш.С. Несколько замечаний об этническом атласе Узбекистана // www.etnonet.ru.
- Кляшторный 1973 – Кляшторный С.Г. Роль согдийцев в экономической жизни тюркского и уйгурского каганатов (VI–IX вв.) // *Памятники письменности и проблемы истории культуры народов Востока*. М., 1973.
- Козенкова 1961 – Козенкова В.И. К вопросу о хумах с захоронениями костей на территории Средней Азии // *Сов. археология*. 1961. № 3.
- Кюннер 1960 – Кюннер Н.В. Китайские известия о народах южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М., 1960.
- Литвинский 1990 – Литвинский Б.А. Этногенез и этническая история народов Средней Азии и Казахстана в древности и средневековье (теоретические аспекты) // *Проблемы этногенеза и этнической истории народов Средней Азии и Казахстана*. Вып. I. М., 1990.
- Махмуд Кошгарий 1960 – Махмуд Кошгарий. *Девону лугатит турк*. Ташкент, 1960.
- Никонов 1988 – Никонов В.А. *Узбеки* // *Система личных имен у народов мира*. М., 1988.
- Отахужаев 2004 – Отахужаев А. Тюркские каганаты и согдийцы (процессы симбиоза и ассимиляции) // *Происхождение узбекского народа: научно-методологические подходы, этногенез и этническая история: Матер. Республиканского науч.-теорет. семинара*. Ташкент, 2004 (на узб. яз.).
- Очерки истории... 2001 – *Очерки истории государственности Узбекистана*. Ташкент, 2001.
- Ошанин, Зевенкова 1958 – Ошанин Л.В., Зевенкова В.Я. *Вопросы этногенеза народов Средней Азии в свете данных антропологии*. Ташкент, 1958.
- Поляков 1982 – Поляков С.П. *Этнография*. М., 1982.
- Происхождение... 2004 – *Происхождение узбекского народа: научно-методологические подходы, этногенез и этническая история: Матер. республиканского науч.-теорет. семинара*. Ташкент, 2004.
- Ртвеладзе 2003 – Ртвеладзе Э.В. *Историческая наука и псевдоистория Средней Азии* // *Учитель Узбекистана*. 2003. 25 июля.
- Ртвеладзе 2004 – Ртвеладзе Э. Позитивные и негативные аспекты новейших исследований истории Центральной Азии // *Новая история Центральной Азии. Переоценка истории, современные проблемы и подходы*. Ташкент, 2004.
- Ртвеладзе, Саидов 2001 – Ртвеладзе Э.В., Саидов А.Х. *Цивилизации древнего Узбекистана: страницы истории государственности и права*. Ташкент, 2001.
- Рыбаков 2001 – Рыбаков С.Е. *Философия этноса*. М., 2001.
- Савин 2005 – Савин И.С. Размышления о статье А. Ильхамова // *ЭО*. 2005. № 1.
- Салгарина 1998 – Салгарина К.К. К вопросу о кочевничестве // *Шелковый путь и Казахстан: Матер. науч.-практ. конф. Алматы (2–3 сентября)*. Алматы, 1998.
- Салимов 1975 – Салимов Х. *Население Средней Азии*. Ташкент, 1975.
- Свободный Самарканд 1917 – *Свободный Самарканд*. 1917. 5, 8 дек.
- Семенов 1954 – Семенов А.А. *Шейбани-хан и завоевание империи Тимуридов: Матер. по истории таджиков и узбеков Средней Азии*. Вып. № 1. Сталинабад, 1954.
- Туркестан... 2000 – *Туркестан в начале XX века: к истории истоков национальной независимости*. Ташкент, 2000.
- Улуг Туркистон 1917 – *Улуг Туркистон*. 1917. 30 сент.
- Филанович 2001 – Филанович М.И. *Государства Кангуй* // *Очерки истории государственности Узбекистана*. Ташкент, 2001.
- Филанович 1983 – Филанович М.И. *Ташкент. Зарождение и развитие города и городской культуры*. Ташкент, 1983.

- Финке 2005 – Финке П. Об "Археологии узбекской идентичности" А. Ильхамова // ЭО. 2005. № 1.
- Фуко 1999 – Фуко М. Надзирать и наказывать: Рождение тюрьмы. М., 1999.
- Хмельницкий 1996 – Хмельницкий С. Между Саманидами и монголами. Архитектура Средней Азии XI – начала XIII веков. Ч. 1. Берлин; Рига, 1996.
- Ходжаев 2001 – Ходжаев А. Прошлое нашего народа в древних источниках. Ташкент, 2001 (на узб.).
- Ходжайов 1980 – Ходжайов Т.К. К палеоантропологии древнего Узбекистана. Ташкент, 1980.
- Ходжайов 1981 – Ходжайов Т.К. Палеоантропология Средней Азии и этногенетические проблемы. М., 1981.
- Ходжайов 1987 – Ходжайов Т.К. Этнические процессы в Средней Азии в эпоху Средневековья. Ташкент, 1987.
- Шаниязов 1990 – Шаниязов К. Государства Канг и канглийцы. Ташкент, 1990 (на узб. яз.).
- Шаниязов 1991 – Шаниязов К. К вопросу о тюрко-язычных компонентах в сложении узбекской народности // Проблемы этногенеза и этнической истории народов Средней Азии и Казахстана. М., 1991.
- Шаниязов 1996 – Шаниязов К. Этнический состав населения Моверауннахра в эпоху Темура и Темуридов // Востокведение. 1996. № 7.
- Шаниязов 1998 – Шаниязов К. Некоторые теоретические вопросы этногенеза узбекского народа // Общественные науки Узбекистана. 1998. № 6.
- Шаниязов 2001 – Шаниязов К. Процесс формирования узбекского народа. Ташкент, 2001 (на узб. яз.).
- Шаниязов 1962 – Шаниязов К. Некоторые размышления о племени карлук и его языке // Вопросы литературоведения и языкознания. Ташкент, 1962 (на узб. яз.).
- Якубовский 1941 – Якубовский А.Ю. К вопросу об этногенезе узбекского народа. Ташкент, 1941.
- Ярхо 1936 – Ярхо А.И. Краткий обзор антропологического изучения турецких народностей СССР за 10 лет (1924–1934) // Антропологический журнал. 1936. № 1.
- Kamoliddin 2004 – Kamoliddin S.S. To the question of the origin of the term "sart" // XXth Century in the History of Central Asia. Tashkent, 2004.
- Kodama ibn Djafar 1967 – Kodama ibn Djafar. Accedunt excerptae Kitab al-Kharadj / Ed. M.J. de Goeje. BGA, pars 6. Lugduni-Batavorum: E.J. Brill, 1967.

D.A. Alimova, Z.K. Arifkhanova, A.A. Ashirov, R.R. Nazarov. Once Again on the Problems of Ethnology in Uzbekistan

The article is a critical response to the discussion on the "Archaeology of Uzbek Identity" published in *Etnograficheskoe obozrenie*, no. 1, 2005. The discussion, organized by S.N. Abashin and focused on a number of arguments made in *Etnicheskii atlas Uzbekistana* by A. Ilkhamov, was a collaborative endeavor aimed at exploring the issues of the origins and transformations of cultural and ethnic identities in Uzbekistan. The authors of the article, scholars affiliated with the Institute of History of the Uzbekistan Academy of Sciences, provide alternative points of view and offer varying interpretations of these issues.